

Pospíšil, Ivo

Русская постмодернистская проза в славянском контексте

Новая русистика. 2008, vol. 1, iss. 1, pp. [81]-83

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116258>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РУССКАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПРОЗА В СЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Бедзир, Н. П.: *Русская постмодернистская проза в восточно- и западнославянском литературном контексте.* Ужгород 2007, 471 с.

Автор настоящей работы написала контекстуальное исследование, компаративистский анализ постмодернистских явлений и веяний в русской литературе на фоне западно- и восточнославянского культурного ареала. Опираясь на фундаментальные работы о постмодернизме в общем и о русском в особенности, Н. Бедзир указывает на факт, что постмодернизм как особое литературное явление нуждается и в специфической теории. Она подытоживает, что „постмодернистская парадигма в противоречивом единстве входящих в нее влияний не претендует на системность и структурность, она исполнена противоречий, которые объясняются, прежде всего, социально-историческим и аксиологическим отличием постмодернизма и модернизма: название ‚постмодернизм‘ не содержит атрибутивности, понятие базируется на принципиальной несогласованности составляющих, явление носит не только синхронный, но и реверсивный характер, таким образом, претендует на собственную диахронию и синхронию.“ (с. 8).

Автор старается интегрировать исследования по славянскому постмодернизму с общим изучением славянских литератур. То, что по нашему мнению является настоящим вкладом в изучение русского постмодернизма на более общем славянском фоне – это изучение специфической формы восточнославянского постмодернизма и его типология, т. е. точки соприкосновения русского, украинского и белорусского постмодернизма и, главным образом, проекция других направлений или же их трансформаций в постмодернистском русле.

В начале монографии стоит общая глава об основных концепциях русского постмодернизма в связи с более широким контекстом соседних и генетически близких литератур. Автор указывает специфические черты русского постмодернизма по сравнению с другими славянскими литературами упомянутого ареала, демонстрируя эти особенности в связи с закономерностями внутреннего развития отдельных национальных литератур. Как специалист по жанровым исследованиям, я особо оцениваю именно жанрологический аспект настоящей работы и внимание, уделяемое автором

специфическим пластам литературы, в том числе женской прозе, т. е. в более широком понимании особой сфере *gender studies*, техногенному катастрофизму и т. д. То, что, по нашему мнению, представляет собой особую ценность, сосредоточено в главах о проекции барокко в постмодернизме, что своеобразно продолжает известные исследования И. Смирнова 70–90-х годов 20 века. Вопросы и импульсы к новому изучению данной проблематики вызывает анализ необарочной поэтики в русской постмодернистской прозе, а именно в смысле глубинных причин и источников этого явления (хотя барокко в западнославянских литературах сравнительно сильно, в новое время - в форме необарокко - оно вряд ли представляет доминантное, а скорее скрытое, подспудное течение – несмотря на исследования, ищущие его присутствие даже в наиболее современных песенных текстах; у восточных славян барокко – несмотря на его роль в русской литературе посредством западной России или же Украины и Беларуси – намного слабее; в этом отношении можно упомянуть нашу концепцию пре-пост эффекта/парадокса, т. е. парадоксального, постепенного усвоения поэтологического импульса по этапам, в нескольких волнах).

С точки зрения западнославянских литератур могут выразить удовлетворение анализом чешской, словацкой и польской литератур, хотя некоторые аспекты и авторы, по-видимому нарочно, упускаются из виду. Особо оцениваю главы о постмодернистском романе на более широком славянском фоне (Ю. Буйда, В. Пелевин, Д. Мигана, Я. Топол и др.). Исходный этап генезиса русского и западнославянского постмодернизма исследуется на стержневых феноменах, например, на творчестве постмодернистских „классиков“, а именно Вен. Ерофеева, Р. Слободы, П. Виликовского. Несмотря на странности такой темы, автор уделяет особое внимание русской литературе у западных славян в их постмодернизме и приходит к выводу, что это не ничтожное, а даже важное и, главным образом, показательное явление.

Хотя автор уделяет сравнительно большое внимание постмодернистскому мифологизированию, она не упоминает особую тенденцию, которую мы в другом издании именуем жанрами или прозой/романом виртуальной аутентичности и экзистенциальной неуверенности (см. наши статьи: *Žánry virtuální autenticity a existenciálního znejistění: domov a svět*. In: Libor Pavera a kol.: *Žánrové metamorfózy v středoevropském kontextu*, sv. III, Opava 2006, с. 213–236; *Trivialita a hledání virtuální autenticity jako nového dialogu*. In: *Dialog kultur IV. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve spolupráci se Slavistickou společností Franka Wollmana při FF MU v Brně a Českou asociací rusistů*. Hradec Králové 23.–24. 1. 2007. Uspořádal Oldřich Richterek. Ofis, Ústí nad Orlicí 2007, с. 21–27). Характерно, что отношение автора к русскому постмодернизму и к постмодернизму вообще положительное, но и критическое и что – кроме теоретических изложений и историко-литературного аспекта, проявляется здесь четко выраженный аксиологический, т. е. оценочный, критический аспект, например, определенная имитативность по отношению к постмодернистским моделям западных литератур. На мой взгляд, однако, может быть, слабее выражена „оригинальность“ восточнославянского, главным образом русского постмодернизма (что выглядит в случае постмодернизма особо смешно, так как пара оригинальность/постмодернизм зачастую воспринимается как своего рода оксюморон), т. е. то, что в особенности в России постмодернистские явления имели в силу традиции и общественных условий выгодную исходную поэтологическую позицию, что они

Recenze

могли стать и выражением политической дистанции, вида сверху и снизу на хаотичную, парадоксальную реальность.

Я тоже не вполне уверен в том, же автор приняла во внимание все релевантные моменты, т. е. авторов и произведения, из сферы западнославянских литератур или, с другой стороны, что, может быть, не учитывала такие транзитивные явления, как, например, квазипостмодернизм Михала Вивега; об этом см. между прочим, в наших статьях *Lekce tvůrčího psaní a kvázipostmodernistická poetika Michala Viewegha*. Stil 4, Beograd 2005, с. 303–313; *Quasipostmodernistyczny świat Michala Viewegha*. In: *Literatury słowiańskie po roku 1989. Nowe zjawiska, tendencje, perspektywy*. Tom I. Transformacja. Pod redakcją Haliny Janaszek-Ivaničkovéj. ELIPSA, Warszawa 2005, с. 81–88. *Postmodernism and Quasipostmodernism* (Michal Viewegh). *Neohelicon. Acta Comparationis Litterarum Universarum*. Akadémiai Kiadó, Springer, 2006, tomus XXXIII, fasciculus 2, Decemner, с. 37–44).

Автор тем не менее демонстрирует хорошие знания специальной литературы предмета на нескольких языках, явление, которое именно в сфере литературоведческой славистики сейчас редко встречается; способность сравнительного, жанрового, поэтологического и ареального видения постмодернистской прозы бросается в глаза, являясь, несомненно, самой положительной чертой книги, которая представляет собой серьезный вклад в изучение новейшего этапа развития славянских литератур в общем и русской в особенности с точки зрения их истории и теории.

Иво Поспишил

BRNĚNSKÁ STUDIE O RUSKÉM ROMÁNU

Pospíšil, I.: *Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti*. Nadace Universitas. Edice Scientia. Brno 2005.

Poslední kniha Iva Pospíšila *Ruský román znovu navštívený* je dokladem myšlenkové návaznosti na neustále se prohlubující mnohaleté autorovo badatelské úsilí o ruském románu. (např. *Ruská románová kronika* 1983, *Ruský román* 1998). Na druhé straně je kniha zaměřena k tématům, která byla autorem již dříve opracována sborníkovými studiemi a konferenčními diskusemi a v monografickém celku pak tyto izolované sondy vypovídají o širokém románovém kontextu ruské estetiky.

Již ve vstupní studii (Některé obecné genologické aspekty) je zdůrazněna myšlenka, že ve světě postmoderní kultury, v němž ambivalentní pluralitní periferní kontexty nepředpokládají status „centra“, může působit genologie jako jistý stabilizující a vyvažující prvek mezi tendencí k normovanosti a tendencí k bezbřehé destrukci, transformaci a uvolněnosti. Jistě by se tento pohled dal rozšířit na celkový tlak diachronní osy a jejich formálních zřetelů. Tendence k rozšiřování genologického půdorysu se promítá do koncepce integrované žánrové typologie jako oboru spojujícího sociálněvědní hlediska s hledisky